

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 340:004(043.3)

DOI 10.52928/2070-1632-2026-74-1-45-50

ФАКТОРЫ ПРАВООБРАЗОВАНИЯ В ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ

Д.С. АВАЕВА

(Институт экономики Национальной академии наук Беларуси, Минск)

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5952-2685>

В статье приводится систематизация существующих факторов правообразования, обусловленных содержанием общественных отношений в цифровой экономике. К числу внешних факторов автор относит: закономерности цифровых технологий; цифровую трансформацию экономических отношений, в том числе действие специфических экономических законов и условий производства, характерных исключительно для цифровой экономики; социальные и социокультурные трансформации отношений в цифровой среде. Показано, что указанные процессы формируют новые запросы на правовое регулирование, обуславливают возникновение ранее неизвестных объектов регулирования и трансформируют структуру общественных отношений. Особое внимание уделяется внутренним (обеспечивающим) факторам правообразования, связанным с адаптационным потенциалом правовой системы. К ним отнесены: расширение пределов правового регулирования, развитие рефлексивных и инструментальных моделей права, формирование технологически ориентированных принципов регулирования, появление цифровых форматов изложения правовых норм и интерактивных процедур нормотворчества, развитие юрисдикционных моделей и механизмов. Сделан вывод о том, что правообразующая природа цифровой экономики проявляется во взаимодействии технологических, экономических и социальных факторов, которые формируют новые условия развития правовой системы и требуют разработки современной теоретико-правовой модели правового регулирования.

Ключевые слова: правообразование, цифровая экономика, факторы правообразования, правовое регулирование, рефлексивное право, юрисдикция в цифровой среде.

Введение. Цифровую экономику как сложный многоаспектный феномен характеризует ряд качеств, отличающих его от иных этапов развития технико-экономической парадигмы и являющихся предметом холистического и взаимодополняемого изучения как социально-гуманитарных, так и естественных наук, адекватных для своевременной регламентации структурных преобразований процессов производства, распределения, обмена и потребления на основе интенсивного развития информационно-коммуникационных технологий (далее – ИКТ). При этом для юриспруденции её рассмотрение необходимо лишь в той части, в которой экономические отношения выступают в качестве объективной основы права. В данных условиях особую актуальность приобретает разработка теоретико-правовой модели правообразования, которая учитывала бы взаимосвязь технологических, экономических, социальных и правовых факторов. Такая модель должна объяснять природу трансформации источников и форм права в цифровую эпоху, выявлять закономерности изменения правообразующих интересов, а также предлагать ориентиры для построения эффективной правовой политики в условиях цифровой трансформации.

Указанные выводы корреспондируют позиции В.Ф. Попондопуло и других исследователей, утверждающих, что юридическая наука при необходимости использует знания других наук и эмпирических знаний, не ограничиваясь догмой права [1, с. 71; 2, с. 17; 3, с. 8; 4, с. 3], а познание социального закона, по мнению Н.В. Сильченко, также необходимо как познание закона юридического, поскольку оно дает возможность приблизить их друг к другу, сделать юридический закон согласованным с социальными отношениями, которые он регулирует [5, с. 43]. Согласимся с Ю.А. Тихомировым и другими авторами в том, что пренебрежение изучением реальных процессов может обернуться лишь попыткой внешнего решения какой-либо проблемы, при этом принятые акты останутся бездействующими [6, с. 9].

Теория факторов правообразования получила значительную разработку в юридической науке. В частности, в рамках теории социального механизма правового регулирования, находящегося в тесной связи с юридическим механизмом, в качестве его элементов наряду с субъектами, социально-правовыми средствами, юридически значимой деятельностью и ее результатами, рассматриваются разнообразные социальные факторы (факты), влияющие на них [7, с. 210; 8, с. 91–92; 9, с. 108; 10, с. 8–23; 11, с. 44–65]. В частности, в соответствии с критерием влияния на характер и содержание правового регулирования, предложенным Н.А. Придворовым и В.В. Трофимовым, факторы правообразования можно разделить на основные (внешние) и обеспечивающие (внутренние) [12, с. 163–164].

Основная часть. Правообразующая природа цифровой экономики проявляется в комплексном и динамичном взаимодействии трансформированных под влиянием цифровой среды классических факторов правообразования, где технологические и экономические инновации выступают не просто фоном, а активными генераторами новых правовых потребностей и моделей.

Во-первых, она проявляется в изменении качества и иерархии внешних факторов. Если традиционно ведущая роль отводилась социально-экономическим и политическим факторам, то в цифровую эпоху на первый план выходят технологические детерминанты. Именно технологии (искусственный интеллект (далее – ИИ), боль-

шие данные, распределенные реестры) создают принципиально новые общественные отношения, которые инициируют процесс правообразования. Экономические факторы, такие как рост платформенной экономики, оказывают воздействие на правообразование, мгновенно создавая правовые пробелы и коллизии в масштабах, невиданных для индустриальной эпохи.

Во-вторых, меняется характер внутренних факторов. Адаптивность правовой системы, скорость и гибкость правотворческих процедур, уровень цифровой компетентности законодателя становятся критически важными условиями для адекватного ответа на внешние вызовы. Традиционные механизмы правообразования, рассчитанные на эволюционное развитие, зачастую не успевают за «цифровым темпом», что актуализирует потребность в новых формах, например, экспериментальные правовые режимы, которые сами по себе являются продуктом новой правообразующей реальности.

В-третьих, стирается жесткая граница между внешними и внутренними факторами. Цифровая экономика порождает гибридные правообразующие факторы, такие как техно-социальные нормы (код как регулятор) и транснациональные правовые режимы, формируемые технологическими корпорациями. Эти факторы одновременно являются и внешними по отношению к национальной правовой системе, и внутренними, так как непосредственно воздействуют на правосознание и поведение субъектов внутри отдельных юрисдикций.

Учитывая изложенное, представляется логичным перейти к детальному анализу внешних факторов правообразования в цифровой экономике.

Технологические закономерности. Так, в основе современного этапа технико-экономической парадигмы лежит группа технологий, составляющих сверхсложные системы. К ним, как правило, относятся большие данные, технологии связи пятого поколения, промышленный интернет и интернет вещей, ИИ, компоненты робототехники и сенсорики, системы распределенного реестра, технологии виртуальной и дополненной реальностей и другие. Перечень таких технологий является открытым и постоянно дополняющимся, что предполагает обширные перспективы для инноваций как внутри рассматриваемой области, так и вне ее. Общим для них является набор уникальных характеристик: высокая степень конвергенции, высокая скорость, с которой старые поколения техники сменяются новыми, сокращая среднюю продолжительность жизни предприятий (с 60 до 17 лет) [13, с. 27]; омниканальный, сквозной и гибкий характер большинства современных технологий, интеллектуализация, виртуализация, сетевая логика, задаваемая цифровыми технологиями, а также действие собственных законов (например, закон Мура, закон Меткалфа и др.), которые отдельно и в своей совокупности формируют массу социальных эффектов, в том числе и в экономической сфере, опосредованно оказывая воздействие на государство и право.

Технические особенности цифровых технологий оказывают влияние на характер выполняемых функций, а также роль, которую они играют в обществе. При этом они способны вступать в противоречие с содержанием отдельных подходов к правовому регулированию отношений в цифровой экономике. Так, А.И. Савельев справедливо отмечает, что концепция информированного согласия на обработку персональных данных, являющаяся основой законодательства в области защиты персональных данных, вступает в противоречие с оперативностью соответствующих коммуникаций (транзакций), что представляет основную ценность ИКТ [14, с. 57].

Трансформация экономических отношений в цифровой среде. Использование цифровых технологий в экономической сфере приводит к нерелевантности некоторых законов товарного капитализма и детерминирует содержание специфических экономических законов, действие которых в наибольшей степени можно наблюдать в рамках новых рынков и бизнес-моделей (к таким можно отнести рынок услуг социальных сетей, рынок интернет-поиска, рынок стриминговых сервисов, рынок услуг агрегаторов и другие). Отметим также, что с внедрением цифровых технологий стало возможным формирование, изменение потребительского поведения, появление новых моделей производства (например, с использованием «цифровых двойников»). Кроме того, по мнению некоторых авторов, «главным производительным ресурсом и фактором производства информационно-цифровых благ становятся нематериальные активы в цифровом виде: данные, большие данные, информация, знания» [15, с. 45].

С одной стороны, информация, а в большей степени знания, по своим конструктивным свойствам определяются общественным характером их «производства» [16, с. 19–25], не являются дефицитным ресурсом и не могут считаться товаром. Данные свойства вступают в противоречие с тенденциями коммодификации и частным характером присвоения результата в качестве «фиктивного товара» [17, с. 377], которое лишь усиливается в связи с тем, что цифровые технологии предоставляют беспрецедентную возможность их быстрого распространения при нулевых издержках. Однако в условиях капиталистической экономики право интеллектуальной собственности, антимонопольное право не в полной мере отражают данную закономерность, что приводит к неоправданно высокому уровню капитализации частных корпораций, а также монополизации, которая становится барьером на пути формирования «экономики знаний».

Социальные и социокультурные трансформации. Правообразующая природа цифровой экономики проявляется в глубинных социальных и социокультурных сдвигах, которые формируют новый ландшафт общественных отношений, требующих нормативной правовой регламентации. Эти трансформации носят системный характер и затрагивают основы социальной организации.

Во-первых, происходит радикальная трансформация социальной структуры. На основании исследований Т. Пикетти можно сделать вывод о том, что капитализм цифровой эпохи обладает имманентной склонностью к усилению социального неравенства [18, с. 227, 237, 374]. Это создает мощный социальный запрос на правовые механизмы, направленные на обеспечение справедливости, будь то прогрессивное налогообложение цифровых

активов или регулирование монопольных практик технологических гигантов. Одновременно, как отмечает Г. Стэндинг, формируется новый социальный класс – прекариат, для которого характерны неустойчивая занятость, отсутствие социальных гарантий и профессиональной идентичности [19, с. 20, 25, 47.]. Массовый характер прекариатизации в условиях гиг-экономики и платформенной занятости порождает острую потребность в создании новой правовой парадигмы трудовых отношений, выходящей за рамки традиционной бинарной модели «работник – работодатель».

Во-вторых, наблюдаются фундаментальные изменения в структуре производства и потребления. Это приводит к появлению новых объектов правового регулирования (например, цифровые активы, данные) и изменению правового режима традиционных благ (переход от права собственности к праву доступа).

В-третьих, цифровая среда порождает новые формы социальных рисков и конфликтов. Среди них следует назвать риск алгоритмической дискриминации и усиления социального неравенства, риск цифровой исключенности, появление новых видов цифровых угроз, а также рост киберпреступности.

В-четвертых, важным социальным фактором является формирование новой субъектной структуры общества, включающей как новых человеческих акторов (работники платформ, «цифровые кочевники»), так и квази-субъектов (ИИ, децентрализованные автономные организации), что ставит перед правом задачу регламентации принципиально новых социальных статусов.

В-пятых, еще одной группой факторов является переход власти от экономических агентов, владеющих физическими активами, к обладателям и разработчикам новых технологий и владельцам информационных платформ; изменения, относящиеся к традиционным компаниям, обусловленные цифровой трансформацией ключевых аспектов их деятельности; расширение перечня экономических агентов, деятельность которых стала возможна благодаря новым технологическим решениям. Среди названных экономических агентов можно выделить телекоммуникационные компании, провайдеров интернет-трафика, сервисы Интернет-телефонии, видеосервисы, социальные сети, информационные агентства, онлайн ритейлеры и виртуальные молы, поставщиков поисковых систем, мессенджеров, игровые приложения, интернет-банки и др. Большинство из них рассматриваются в качестве институциональных посредников, к которым предъявляются требования инкорпорации в соответствии с законодательством определенного государства, обеспечения соответствия критериям финансовой стабильности, выполнению обязательств по управлению рисками.

Рассмотренные выше внешние факторы правообразования характеризуют изменения в экономической, технологической и социальной среде, которые формируют объективную потребность в правовом регулировании цифровой экономики и определяют направления его развития. Вместе с тем воздействие указанных факторов носит опосредованный характер, в отличие от внутренних факторов имманентно присущих праву и связанным с особенностями его структуры, принципов и механизмов функционирования. Среди них особую актуальность приобретают: расширение пределов правового регулирования, развитие рефлексивных и инструментальных моделей права, формирование технологически ориентированных принципов регулирования, появление цифровых форматов изложения правовых норм и интерактивных процедур нормотворчества, развитие юрисдикционных моделей и механизмов.

Расширение пределов правового регулирования общественных отношений как внутренний фактор, обеспечивающий адаптационный потенциал правовой системы, во многом обусловлено формированием качественно новых общественных отношений или значительной трансформацией уже существующих, приводящих к расширению (изменению) сферы правового регулирования [20, с. 4], необходимостью перенастройки механизма правового регулирования в соответствии с комплексом факторов, детерминирующих правовое регулирование цифровой экономики и имеющих сложную технико-экономическую природу. Полагаем, что проблема установления пределов правового регулирования цифровой экономики требует обращения к различным аспектам их понимания. Необходим учет онтологических характеристик цифровых объектов, поскольку в отличие от иных процессов цифровая трансформация, как было показано выше, характеризуется появлением виртуальных объектов, чья идентификация и медийная природа на протяжении длительного периода времени может оставаться неопределенной. Здесь применим подход В.В. Архипова, предложившего выделять семантические пределы права в условиях медийного поворота, включающего цифровой и игровой компоненты.

Семантические пределы права составляют критерии «серьезности» и «несерьезности» предмета правоотношений, определяемые его социально-валютной ценностью, а также его функциональность, определяющаяся как «фантазийная». То есть предмет виртуален, при этом его структура не изоморфна виртуальной модели реального предмета, или «не фантазийная». Для целей правотворчества концепция семантических пределов права используется в усеченном варианте, поскольку следует установить лишь наличие внешнего референта ценности. Такой подход позволит оценивать, будет ли абсурдным правовое регулирование общественных отношений с предметом, обладающим указанным свойством, что означает возможность оценивать его перспективы применительно к виртуальному имуществу, ИИ и др. [21, с. 316–320].

Социологический аспект пределов правового регулирования, предложенный И.Л. Вершок, предполагает включение в их основу двух уровней общественных отношений: которые в силу государственной значимости и содержания реализуемых государством функций юридически регламентированы (в них четко определены пространственно-временные границы); которые подвергаются социально-правовому регулированию, то есть отношения, обладающие высоким уровнем социальной значимости, однако в силу интенсификации их развития не ставшие предметом государственного регулирования (для них пространственно-временные границы размыты) [22, с. 11].

Вместе с тем рассмотренные выше подходы не снимают вопроса об установлении пределов правового регулирования с точки зрения их допустимости и объема. В этом контексте следует обратиться к нормативно-ценностной основе правового регулирования, формализуемой в принципах правообразования (С.Г. Дробязко называет в качестве таковых прагматизм и демократизм [23]) и нормотворческой деятельности. Так, в Законе Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. № 130-З «О нормативных правовых актах» закреплены принципы: конституционности (законности); гуманизма; защиты прав, свобод и законных интересов граждан, юридических лиц, интересов общества и государства, социальной справедливости; гласности; социально-экономической обусловленности и др. Таким образом, определение пределов правового регулирования общественных отношений в цифровой экономике должно опираться не на узкое позитивистское их понимание, а учитывать онтологический, социологический и нормативно-ценностные аспекты, что позволит избежать как неоправданной юридикации, так и правового вакуума в отношении новых социально-экономических феноменов, порожденных цифровой трансформацией.

Собственным ресурсом правовой системы, направленным на ее адаптацию к высокодинамичной цифровой среде, является **целенаправленное развитие и имплементация новых правовых моделей и принципов**, в первую очередь, рефлексивного права и регуляторного инструментализма. Эти модели представляют собой эволюцию внутреннего методологического аппарата права, направленную на преодоление его традиционной инерционности (например, инструментально-механистическое рассмотрение теории правового регулирования) [24, с. 5–23].

Формирование правовой системой технологически ориентированных принципов регулирования. По мере усложнения общественных отношений в сфере цифровой экономики, которые отличает высокая технологичность, существенно преобразуются процессы производства, распределения, обмена, потребления, при этом отдельные характеристики цифровых технологий могут быть не изучены в достаточной степени или совсем неизвестны, что, в свою очередь, порождает проблему доверия. Усиливается хорошо известная для юридической науки тенденция повышения роли технико-юридических норм, о чем говорили В.М. Ведяхин («инженеризация» правотворчества) [25, с. 24], Н.В. Сильченко («диктатура технологии» и понятие технического типа социального регулирования) [26, с. 31;27] и др.

Развитие цифровых форматов права и интерактивных процедур нормотворчества. Способность правовой системы к внутренней трансформации под воздействием цифровой коммуникации представляет собой ключевой обеспечивающий фактор современного правообразования. Эта трансформация проявляется в активном развитии новых форм существования и изложения правовых норм, адекватных цифровой среде, что коренным образом меняет традиционные процедуры правотворчества и правоприменения. Внутри правовой системы формируется новый цифровой инструментарий, который становится обеспечивающим условием для адекватного ответа на вызовы цифровой экономики. Этот инструментарий включает:

– Переход от статичного текста к динамичным, машиночитаемым форматам права. Согласимся с В.Д. Ипатовым и Ю.С. Климовичем, что для Республики Беларусь рассмотрение вопросов алгоритмизации правотворчества и правоприменения также имеет особый приоритет [28, с. 57–58], что потребует пересмотра как существующих нормативных правовых актов, так и трансформации стиля нормотворческого мышления [29, с. 121–122].

– Развитие интерактивных и партисипативных процедур нормотворчества («электронного нормотворчества»). Теоретическим обоснованием развития интерактивных процедур нормотворчества выступает коммуникативная теория права и концепция Д. Ховса, согласно которой цифровая форма коммуникации, пришедшая на смену устной и печатной, обладает фундаментальными свойствами, трансформирующими природу правового текста. Благодаря таким характеристикам цифровой информации, как гибкость (возможность перенастройки и редактирования), незавершенность (открытость для дополнений) и трансграничность, на первый план выходит ее ключевое свойство – интерактивность. Это свойство порождает новое понимание авторства и создает условия для коллективного участия в создании текстов, включая нормативные правовые акты [30].

– Осознанное использование архитектуры кода как правового инструмента («Code is Law»). Концепция Л. Лессига не констатирует пассивную зависимость права от кода, а призывает к активному и осмысленному использованию программного кода как обеспечивающего средства для реализации правовой политики. В ответ на эти вызовы правовая сфера адаптируется: осуществляется подготовка специалистов, способных работать на стыке права и технологий, правовые нормы, такие как принцип проектируемой конфиденциальности интегрируются в саму архитектуру цифровых систем.

Развитие юрисдикционных моделей и механизмов правовой адаптации. Способность правовой системы к адаптации является ключевым фактором, определяющим эффективность правообразования в условиях цифровой экономики. Эта способность проявляется в активном развитии правовой системой новых юрисдикционных моделей и процедур, призванных преодолеть несоответствие между традиционным, территориально привязанным регулированием и трансграничной, виртуальной природой киберпространства.

К таким механизмам адаптации можно отнести:

– Разработку новых коллизионных принципов и доктрин установления юрисдикции. В США были сформулированы правило минимальных контактов и принцип скользящей шкалы, в Европейском союзе действует принцип направленности деятельности, а в России применяется тест доступности Интернет-ресурса [31; 32, с. 27–28.]. Рассмотренные правила дают возможность устанавливать судебную юрисдикцию в отношении лиц, находящихся вне территории государства суда, только по причине того, что у лиц государства, обладающего

юрисдикцией, имелся доступ к информации, с которой связаны нарушения. В ряде случаев государства принимают нормативные правовые акты с экстерриториальным характером действия, что приводит к наложению юрисдикционных притязаний различных государств и, как следствие, к возникновению коллизий юрисдикций.

– Определение юрисдикции с помощью различных наднациональных структур – субъектов международного права. Примером может служить инициатива в рамках ОЭСР по Заявлению о двухкомпонентном решении налоговых проблем, возникающих в результате цифровизации экономики (Pillar 1, 2), ориентированному на создание новых правил распределения прибыли и ограничения конкуренции юрисдикций в части налога на прибыль посредством установления глобальной минимальной ставки корпоративного налога. Указанное предполагает унификацию правил по определению пределов действия налоговых норм, а также установления юрисдикции по принципу «экономической связи» (nexus rule), то есть в зависимости от объема транзакций, а не от физического присутствия на территории государства [33, с. 144].

– Разработку мер национального характера по установлению трансграничного действия некоторых нормативных правовых актов (например, в сфере защиты персональных данных), а также «приземлению» субъектов, осуществляющих свою деятельность в цифровой среде. В частности, в Австралии, Турции, России, некоторых странах Евросоюза были приняты нормативные правовые акты, регламентирующие деятельность иностранных лиц в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». Приобретая такой статус иностранное лицо должно исполнять ряд обязанностей, которые выступают гарантиями реализации положений национального законодательства.

Заключение. Таким образом, правообразующая природа цифровой экономики заключается в её способности активно формировать новую правовую онтологию, где традиционная причинно-следственная связь между общественной потребностью и правовой нормой опосредуется сложной сетью технологических, экономических и социальных факторов, требующих для своего осмысления и применения разработки новой теоретико-правовой модели. Она включает внешние, не зависящие от правовой системы, факторы, которые создают «проблемные правовые ситуации», и опосредовано влияют на выбор оптимальной модели правового регулирования. К их числу могут быть отнесены закономерности цифровых технологий; цифровая трансформация экономических отношений, в том числе действие специфических экономических законов и условий производства, характерных исключительно для цифровой экономики; социальные и социокультурные трансформации отношений в цифровой среде. В то же время праву имманентно присущи собственные закономерности развития, где характер и содержание регулируемых общественных отношений требуют от права его адекватной «перенастройки». Среди них рассмотрены расширение пределов правового регулирования, развитие рефлексивных и инструментальных моделей права, формирование технологически ориентированных принципов регулирования, появление цифровых форматов изложения правовых норм и интерактивных процедур нормотворчества, развитие юрисдикционных моделей и механизмов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Попондопуло В.Ф. Объект и предмет юридической науки // Правоведение. – 2016. – № 5(328). – С. 68–85.
2. Честнов И.Л. Постклассическая методология юридических исследований // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. – 2020. – № 2(76). – С. 14–21.
3. Ковкель Н.Ф., Селютина Е.Н., Холодов В.А. История и методология юридической науки: учеб. пособие для магистров. – Орел: ОФ РАНХиГС, 2015. – 176 с.
4. Цифровые отношения как предмет правового исследования / С. Банакас, Д.А. Петров, В.Ф. Попондопуло, Е.В. Силина // Вестник СПбГУ. Сер. 14. Право. – 2023. – № 2. – С. 492–509.
5. Сильченко Н.В. Закон: Проблемы этимологии, социологии и логики / Под ред. С.Ф. Сокола. – Минск.: Навука і тэхніка, 1993. – 119 с.
6. Право и цифровая информация / Ю.А. Тихомиров, Н.В. Кичигин, Ф.В. Цомартова, С.Б. Бальхаева // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2021. – № 2. – С. 4–23.
7. Корнев А.В. Социология права. – М.: ООО «Издательство «Проспект»», 2017. – 336 с.
8. Сырых В.М. Социология права. – 4-е изд., доп. и перераб. – М.: Юстицинформ. – 2012. – 472 с.
9. Сырых В.М. Социальный механизм правового регулирования: понятие, состав и структура // Ленинградский юридический журнал. – 2005. – № 2. – С. 106–119.
10. Дробязко С.Г. Право и материально-техническая база коммунизма. – М.: Юрид. лит., 1967. – 174 с.
11. Дробязко С.Г. Роль законодательства в создании материально-технической базы коммунизма. – Минск: БГУ, 1971. – 140 с.
12. Придворов Н.А., Трофимов В.В. Правообразование и правообразующие факторы в праве. – М.: Норма, 2016. – С. 163–164.
13. Цифровая трансформация экономики: теория и практика в интеграционных союзах / А.Н. Аюпов [и др.]; под общ.ред. М.Л. Зеленкевич, Н.Н. Бондаренко. – Минск: Институт бизнеса БГУ, 2020. – 257 с.
14. Савельев А.И. Проблемы применения законодательства о персональных данных в эпоху «Больших данных» (Big Data) // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2015. – № 1. – С. 43–66.
15. Осипов Ю.М., Юдина Т.Н., Гелисханов И.З. Информационно-цифровая экономика: концепт, основные параметры и механизмы реализации // Вестник Московского университета. Сер. 6. Экономика. – 2019. – № 3. – С. 42–61.
16. Прудон П. Литературные майораты. – С. Петербургъ: Изданіе Жиркевича и Зубарева, 1865. – 191 с.
17. Тугушева Р.Р. Фиктивные товары в современной экономике: общее и особенное // Изв. Саратов. ун-та Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. – 2015. – № 4. – С. 376–381.
18. Пикетти Т. Капитал в XXI веке. – М.: АдМаргинем Пресс, 2015. – 592 с.

19. Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. – М.: АдМаргинем Пресс, 2014. – 328 с.
20. Бибило В.Н. Право в системе социального регулирования // Журнал Белорусского государственного университета. Право. – 2023. – № 3. – С. 3–9.
21. Архипов В.В. Семантические пределы права в условиях медиального поворота: теоретико-правовая интерпретация: дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01. – СПб., 2019. – 425 с.
22. Вершок И.Л. Границы правового регулирования: теоретические и прикладные проблемы // Право в современном белорусском обществе: сб. науч. тр. / Нац. центр законодательства и правовых исслед. Респ. Беларусь; редкол.: Н.А. Карпович (гл. ред.). – Минск: Колорград, 2020. – Вып. 15. – С. 4–12.
23. Дробязко С.Г. Правообразование, правотворчество, правоустановление, их субъекты и принципы // Право и демократия: сб. науч. тр. – Минск: БГУ, 2003. – Вып. 14. – URL: https://law.bsu.by/pub/31/Drobyazko_57.pdf (дата обращения 11.04.2024).
24. Денисенко В.В., Трикоз Е.Н. Теория правового регулирования: современный дискурс и практика // Журнал российского права. – 2025. – Т. 29, № 5. – С. 5–23.
25. Ведяхин В.М. Правовое регулирование научно-технического прогресса: теоретико-правовой аспект / Под ред. Р. О. Халфиной. – Куйбышев: Изд-во Саратов. ун-та. Куйбышев. фил., 1990. – 194 с.
26. Сильченко Н.В. Техническое регулирование общественных отношений и проблемы теории права // Право.by. – 2019. – № 6(62). – С. 28–32.
27. Сильченко Н.В. Технический тип социального регулирования: понятие, элементы и место в системе социального регулирования. – URL: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/236707/1/47-56.pdf> (дата обращения 29.09.2025).
28. Ипатов В.Д., Климович Ю.С. О приоритетных направлениях научно-правовых исследований в условиях цифровизации общества и государства // Право.by. – 2023. – № 6. – С. 54–61.
29. Соловьев П.В. Трансформация содержания нормативного правового акта в условиях цифровизации // Право.by. – 2023. – № 4. – С. 120–127.
30. Howes D. E-Legislation: law-making in the digital age. – URL: <https://canlii.ca/t/2b9n> (дата обращения 29.09.2025).
31. Menthe D. C. Jurisdiction in Cyberspace: A Theory of International Spaces. – URL: <https://repository.law.umich.edu/mttlr/vol4/iss1/3/> (дата обращения: 06.03.2026).
32. Азизов Р.Ф. Правовые проблемы определения юрисдикции в сети Интернет // Информационное право. – 2014. – № 5. – С. 27–28.
33. Маркевич Д.С. (Аваева Д.С.) Экономическая природа объектов в цифровой экономике и ее отражение в праве // Актуальные проблемы гражданского права. – 2021. – № 2(18). – С. 136–146.

Поступила 10.03.2026

LAW-FORMATION FACTORS IN THE DIGITAL ECONOMY

D. AVAEVA

(Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk)

The article systematizes the existing factors of law formation, conditioned by the nature of social relations in the digital economy. The author attributes the following external factors: the digital technology patterns; the digital transformation of economic relations, including the effect of specific economic laws and production conditions characteristic exclusively of the digital economy; and social and socio-cultural transformations of relations in the digital environment. It is shown that these processes are generating new demands for legal regulation, leading to the emergence of previously unknown regulatory objects, and transforming the structure of social relations. Particular attention is paid to the internal (enabling) factors of lawmaking associated with the adaptive potential of the legal system. These include: the expansion of the scope of legal regulation, the development of reflexive and instrumental legal models, the formation of technology-oriented regulatory principles, the emergence of digital formats for presenting legal norms and interactive rulemaking procedures, and the development of jurisdictional models and mechanisms. It is concluded that the law-making nature of the digital economy is manifested in the interaction of technological, economic, and social factors, which shape new conditions for the development of the legal system and require the development of a modern theoretical model of legal regulation.

Keywords: law formation, digital economy, factors of law formation, legal regulation, reflexive law, jurisdiction in the digital environment.